

ЖОРЖ ГУРВИЧ

СОЦИАЛЬНЫЕ РАМКИ ПОЗНАНИЯ*

Глава четвертая. ВИДЫ И ФОРМЫ ПОЗНАНИЯ

Нам представляется невозможным провести исследование конкретных связей между знанием и социальными рамками, какими бы они ни были (проявления социальности, частные группы, блоки этих групп в государствах и церквях, социальные классы, глобальные общества различных типов), не предприняв предварительно точный и детальный анализ *видов познания* и их пересечения с *формами познания*. До сих пор мы едва упоминали о тех и других, как и о когнитивных системах, которые они образуют, когда речь идет о структурированных социальных рамках.

Однако, чтобы изучить изменения знания, помещая его в «социологическую перспективу», необходимо предварительно произвести анализ видов и форм познания, которые проявились до настоящего времени (см. прим. 1). Вот почему мы считаем необходимым посвятить им наиболее важную главу этого введения, несмотря на нетерпение, которое такой анализ рискует вызвать у читателя.

По поводу видов и форм познания, которые мы ставим своей задачей исследовать, можно возразить, что проблема имеет смысл только по отношению к глобальным обществам или, по крайней мере, по отношению к социальным классам. Действительно, может показаться справедливым утверждение, что нельзя прийти ни к какому достоверному выводу, если изучать возникновение видов и форм познания в функции проявлений социальности, а также частных неструктурированных группировок, настолько они изменчивы и настолько изменчивы их воздействия на знание. Однако эти возражения на самом деле гораздо менее убедительны, чем кажутся на первый взгляд.

Действительно, мы не отрицаем, что надо прежде всего исследовать, не идет ли речь об отражениях интеграции микросоциальных или групповых элементов в более обширные социальные макрокосмы, которые в этом случае могли бы модифицировать их особенности, включая и их когнитивные оттенки. Однако не следует забывать следующие факты. Проявления социальности и неструктурированные группировки могут в свою очередь в определенных конъюнктурах (таких как гражданские и международные войны, революции, народные движения широкого масштаба и т.д.) воздействовать на социальные рамки, которые их охватывают как в когнитивном, так и в любом другом аспекте. Так *в социологии познания подтверждается общее правило всякой социологии, согласно которому хорошо структурированная микросоциология в конечном итоге приводит к макросоциологии*, и наоборот, послед-

---

* *Продолжение.* Начало см. в Т. X. Вып. 3–4 (42–43). Настоящий текст представляет собой перевод первых трех частей книги известного французско-русского социолога Георгия Давидовича (Жоржа) Гурвича (1894–1965). Это последняя из более чем тридцати книг Гурвича, которая опубликована уже после смерти автора.

няя не может обойтись без помощи первой, поскольку она учитывает детали, конкретные ситуации и конъюнктуры. С особой силой здесь вступает в игру диалектика взаимной причастности.

Некоторые виды познания, в особенности перцептивное познание внешнего мира, а также познание «Другого», «Мы», групп, классов и т.д., политическое познание, некоторые отрасли научного познания, относящиеся к естественным наукам (астрономия, физика, биология и т.д.) или к наукам о человеке (включая сюда историю и социологию), предполагают изучение специфических пространств и времен, в которых движутся их объекты.

Поэтому социология этих различных отраслей знания с необходимостью касается социологии пространств и времен. Можно, следовательно, начать с последней. Однако пространства и времена представляют в соответствии с каждым видом познания собственные разнообразие и сложность и выступают в специфическом освещении. Так что их исследование, где это возможно, требует помещения в специальную социологическую перспективу. Мы также считаем предпочтительным осуществлять это исследование отдельно для каждого вида познания, хотя перцептивное познание внешнего мира нам представляется привилегированной областью.

В наши намерения отнюдь не входит выделять столько же социологий познания, сколько мы различаем видов знания: такое предприятие было бы заранее обречено на неудачу, как только мы приступили бы к изучению столь обширных и многообразных социальных рамок, как социальные классы и особенно глобальные общества, которым соответствуют целые когнитивные системы (см. прим. 2). Действительно, как только речь заходит о социальных рамках капитального значения, становится несомненным тот факт, что в соответствии с социальными типами, виды познания выстраиваются в иерархическую систему. И в этой изменчивой иерархии, доминирующий вид или виды познания проникают во все остальные, как мы дали понять выше. Например, в античной Греции философское познание и перцептивное познание внешнего мира, которые занимали ведущее место, проникали во все остальные виды познания; то же самое произошло с научным познанием при режиме конкурентного капитализма. При режиме организованного и дирижистского капитализма доминируют и проникают во все остальные виды познания, с одной стороны, техническое познание, с другой — политическое.

Переходим к детальному уточнению отличительных черт различных видов познания.

1. *Перцептивное познание внешнего мира утверждает в качестве истинного целостный ансамбль образов, расположенных в конкретных и специфических пространствах и временах; их восприятие, возможность их концептуализации и квантификации очень изменчивы.* Это познание предполагает одновременно коллективные восприятия и суждения как относительно достоверности определенным образом скомбинированных пространств и времен, так и относительно их содержания. Чтобы дать представление об относительном значении, которое может иметь этот вид познания внутри иерархической системы, достаточно привести один-единственный пример: феодальное общество. Перцептивное познание внешнего мира было в нем отброшено на последнее место (отсутствие перспективы в изобразительном искусстве, внутренняя замкнутость городов и деревень в их архитектуре и расположении являются достаточным доказательством этого).

В качестве социального факта перцептивное познание внешнего мира предполагает прежде всего коллективное восприятие пространств и времен, в которых этот мир расположен. Коллективные субъекты («Мы», группы, классы, глобальные общества), как и индивидуальные субъекты, постоянно сталкиваются с препятствиями, противостоящими их позициям, деятельности и устремлениям. Пространства и времена находятся в числе этих препятствий. Именно в борьбе против них и стремлении господствовать над ними субъекты осознают их. В этой борьбе происходит первый отбор, свойственный всякому восприятию и зависящий от систем координат, которые имеют тенденцию совпадать с социальными рамками. По этой причине значительное число восприятий, даже индивидуальных, контролируется и внушается на основании коллективных критериев. Впрочем, иначе и не могло бы быть. Разве индивидуальное восприятие, которое бы исключало коллективные критерии, не рисковало бы стать нереальным, сугубо воображаемым? Человек, который бы обладал исключительно индивидуальным восприятием пространств и времен, был бы человеком дезориентированным, заблудившимся во внешнем и социальном мирах и, следовательно, не способным в них находиться. Он находился бы на границе, за которой пространства и времена становятся пространствами и временами безумия или, по крайней мере, психопатологических состояний.

Бергсон определял конкретные протяженности, отличные от их пространственно-количественных характеристик, как *растяжения*, противоположные *натяжениям*, характерные для различных степеней качественной длительности. Если можно определить время чисто описательным образом как «координацию или разрыв необратимых движений, которые делятся в последовательности и следуют друг за другом в длительности» («La vocation actuelle de sociologie», vol. II, p. 329), то о пространстве можно сказать, что оно есть «координация или разрыв рядоположенных пунктов, растяжимых и обратимых, которые сосуществуют одновременно».

Отметим еще одно существенное различие между пространством и временем. Дело в том, что множественность времен присуща не одной только социальной жизни, но всякому виду реальности вне человека, так как она существует независимо от какого бы то ни было осознания времени. Имеется столько же времен, сколько сфер реальности, и в каждой сфере множество времен может конкурировать между собой. Иначе обстоит дело с множественностью пространств. Пространство, в котором предполагается внешний мир, так же как и социальный мир, в качестве реальности, независимой от всякого осознания, может быть только *одним-единственным-пространством*. Любая другая интерпретация означала бы мистику видимых и невидимых миров, которая была бы пригодной только для архаического общества. Разнообразие пространств, следовательно, можно допускать только как результирующую вторжения разнообразных восприятий, символизаций, концептуализаций и т.д. Это не значит, что виды пространств лишены всякой реальности. Речь идет лишь не о полной реальности пространства, но о перспективах, в которые его помещают различные осознания. Эти перспективы не являются иллюзиями, поскольку они создают пути приближения к единому реальному пространству. Вот почему, в то время как виды времен, в частности, социальных времен, в той интерпретации, которую мы им давали в наших предыдущих работах, могли рассматриваться прежде всего как независимые от способа их восприятия, напротив, виды пространств неотделимы от различных способов, которыми они воспринимаются, и это относится как к со-

циальным пространствам, так и к внешнему миру. В обоих случаях дифференцированные пространства представляют собой лишь пути, ведущие к единому реальному пространству.

Но идет ли речь о пространствах или о временах, их восприятие является коллективным по природе. Его проявления, однако, обнаруживают множество особенностей. Отсюда разнообразие образов внешнего мира в различных социальных рамках, несмотря на отбор, который коллективные суждения осуществляют между восприятиями, истинными или ложными.

Восприятия пространств разнообразятся в соответствии с двумя основными критериями.

А) Критерий связи с субъектом, как индивидуальным, так и коллективным. Этот критерий позволяет установить следующие различия. 1. *Аутическое* пространство, которое идентифицируется с субъектом. 2. *Эгоцентрическое* пространство, проникнутое эмоциональностью субъекта. 3. *Прожективное* пространство; оно непрерывно расширяется, удаляясь от субъекта, но опирается на его деятельность (например, морфологически-экологическое пространство, о котором говорят в социологии, или пространства организованных аппаратов, моделей и символов, ограничивающих их эффективность). 4. *Перспективные* пространства, наиболее удаленные от субъекта и наиболее близкие реальным пространствам.

В) Второй критерий есть функция самого характера воспринимаемого пространства. Он служит установлению других различий. На основании этого критерия можно выделить следующие пространства. 1. Диффузные пространства без точных контуров. 2. Концентрические пространства, замкнутые в самих себе. 3. Пространства, легко разжимающиеся и сжимающиеся. Отметим, что перспективные пространства и разжимающиеся и сжимающиеся пространства часто покрывают друг друга, а аутические пространства являются в то же время концентрическими. Однако, эти отношения не являются необходимыми, так, в нашу эпоху, благодаря новой технике, средства коммуникации одерживают верх над диффузными и концентрическими пространствами, но так называемые перспективные пространства до такой степени связаны с машинами, что имеют тенденцию к тому, чтобы вновь стать концентрическими, отделенными от пространств диффузных.

Времена гораздо более разнообразны, чем пространства; действительно, к разнообразным осознаниям времени прибавляется множественность реальных длительностей. Что касается множественности социальных времен, то мы считаем возможным выделить восемь видов реальных времен. Если рассматривать реальность внешнего мира и времена, в которых они движутся (мы исключаем здесь все проекции, явно искаженные эмоциями), то можно обнаружить значительное разнообразие времен в сочетании с пространствами. Перцептивное познание внешнего мира вводит в действие сложную диалектику между разнообразными пространствами и временами, одновременно воспринимаемыми и реальными. Отметим здесь же, что целостный образ внешнего мира, объекта этого познания, предполагает пространства и времена, способные комбинироваться, даже объединяться, так же как и сталкиваться и вступать в борьбу; они могут становиться полярными, так же как и дополнительными, и т.д.; но их отношения всегда остаются напряженными и двусмысленными.

Если учитывать тот факт, что критерии измерения пространств и времен, как и критерии самой целостности внешнего мира, часто меняются от общества к обще-

ству, от класса к классу, от группы к группе, нельзя не признать чрезвычайное разнообразие образов внешнего мира, перед которым оказывается социология перцептивного познания. Тем более можно пожалеть о том, что ни это познание, ни его отношения с социальными рамками, в функции которых оно варьирует, до сих пор не привлекали внимание социологов. Мы рассмотрим указанные проблемы в общем итоговом изложении. А теперь мы переходим к другому виду познания.

II. *Познание Других, «Мы», групп, классов, обществ, схваченных в их реальности и утверждаемых как достоверные сознательным суждением, представляют собой другой частный вид познания.* Представление о нем возникло недавно и скорее в философии, чем в социологии. Этот парадокс имеет тройственное происхождение. Невозможно вообразить ни одну социальную рамку (микросоциальную, групповую, глобальную), в которой бы не происходило это схватывание и это познание, так как они составляют конструктивный элемент самой социальной реальности; однако, они гораздо чаще существуют в скрытом, чем в явном виде. В то же время их взаимная интенсивность, значение, особенности, роль внешности другого, выражение его лица, его поведение, жесты и слова, социальные установки, желание или отказ коммуницировать, варьируются с каждой социальной рамкой так же, как варьируются в познании Другого в собственном смысле критерии, модели, символы, внушенные группами, классами и глобальными обществами для концептуализированных образов Другого. Назовем в качестве примера критерии Другого и «Мы», исходящие от глобальных обществ. В различных случаях они могут сжиматься, сужаться (так, они не будут относиться к иностранцу, рабу или даже к крепостному, поскольку никто из них не рассматривается как способный в принципе быть «Другим» и, следовательно, составлять часть «Мы») или, наоборот, расширяться (в той мере, в какой человек рассматривается как представитель человечества вообще, теряя вследствие этого свои специфические и индивидуализированные черты). В то же время в некоторых социальных рамках и конъюнктурах Другой как объект восприятия или познания может выступать как отец, брат, друг или враг, компаньон или соперник, товарищ или противник, низший или высший, покровитель или притеснитель, как центр притяжения, отталкивания или безразличия. Он может приобрести неопределенный характер, комбинируя в себе противоположные черты. Наконец, и это третий источник парадокса, который мы отметили, познание Другого играло значительную роль только в обществах патриархального или феодального типа, в частности, в корпорациях и монашеских орденах средневековья; оно имеет место в некоторых группировках небольшого размера (семьи-домохозяйства, общежития и т.д.). Возможно, оно бы приобрело капитальное значение в типах обществ, организованных согласно принципам децентрализованного и плюралистического коллективизма, основанного на рабочем самоуправлении.

Во всяком случае, мы должны будем учитывать этот вид познания, особенно тесно связанного с социальными рамками.

III. *Познание здравого смысла, которое можно также обозначить модным в настоящее время термином «познание обыденной жизни»* — это особый вид познания. Оно состоит в сочетании познания Другого и «Мы»; перцептивного познания внешнего мира как наиболее тесного антуража «Мы» или группы; некоторых технических познаний, среди которых наиболее простые — техники тела; правил вежливости и проявлений сдержанности и дистанции. Оно имеет тенденцию поддерживать тра-

диционное познание, познание пожилых и искушенных людей, «умение жить», которого нет ни у детей, ни вообще у молодых поколений.

Последние часто призываются к «здравому смыслу» предшествующими поколениями, представители которых думают, что научат молодежь разрешать трудности повседневной жизни и избегать ложных шагов. Но успех этой передачи познания здравого смысла весьма сомнителен в современных индустриальных обществах; условия жизни в них подвержены постоянным изменениям, вызванным непрерывными трансформациями техники. Перед лицом этих непрерывных пертурбаций повседневной жизни каждое поколение, даже каждая его часть, должна вырабатывать свое собственное познание здравого смысла, и именно это уменьшает значение последнего в системе познаний сегодняшнего дня. Отметим также, что чем выше уровень культуры общества, тем менее важную роль играет в нем познание здравого смысла, и наоборот.

Однако существуют некоторые группы небольшого размера, в которых познание здравого смысла продолжает доминировать, такие как семьи-домохозяйства, хутора или изолированные деревни. В то же время, некоторые профессиональные организации, такие как армия, адвокатура, медики и даже факультеты и другие организации высшего образования, несмотря на специфические знания, которые они распространяют, придерживаются в своей внутренней жизни и функционировании простого «познания здравого смысла». Это является доказательством того, что в данном случае речь идет о специфическом виде познания.

IV. *Техническое познание* не является ни просто познанием средств, применяемых для достижения идеальных целей, как уверяли некоторые спиритуалистские философские учения, ни прикладным научным познанием, характеризуемым работанностью и способностью передаваться, как утверждал вульгарный позитивизм. Техническое познание есть познание *sui generis*, не сводимое ни к какому другому. Оно проникнуто желанием господствовать над миром, управлять им, манипулировать, повелевать. Это конституирующая часть праксиса (в том смысле, в каком понимал его Маркс) и она прямо интегрирована в «производительные силы».

Однако, было бы ошибочно ограничивать техническое познание одним познанием манипуляции материей и, тем более, отождествлять его с технологией. С одной стороны, техническое познание является одновременно эксплицитным, поскольку оно передается, с другой — имплицитным, поскольку оно связано с упражнением, способностью, сноровкой. [На самом деле], техническое познание охватывает гораздо более обширную область, чем управление материей. ***Это познание всех эффективных манипуляций, искусственных и подчиненных, но имеющих тенденцию к тому, чтобы становиться независимыми и цениться в качестве таковых, манипуляций точных, унаследованных и новаторских, знание которых вдохновляется желанием господствовать над природой, человеком и обществом, чтобы производить, разрушать, сохранять, организовывать, планировать, коммуницировать и распространять.***

Степени технического познания, как эксплицитного, так и имплицитного, всегда очень разнообразны внутри одного и того же типа общества и идут от экспертов или хранителей технических тайн к исполнителям полученных приказов, не говоря уже о простых смертных.

Специфический характер технического познания можно проверить хорошо известными фактами, касающимися его неодинакового и иногда неожиданного зна-

чения в различных типах глобальных обществ. От очень рудиментарного уровня в античных городах-государствах и империях (несмотря на значительное развитие научных знаний) техника достигает относительно высокого уровня в теократическо-харизматических обществах (например, в древнем Египте). В феодальных обществах она достигает еще более высокого уровня, которому совсем не соответствует развитие науки.

В первоначальный период капитализма техническое познание развивается не в функции научных открытий, но прямо на мануфактурах и фабриках. Тесная связь между техническим и научным познаниями в действительности была осуществлена лишь в XX в. и только в ограниченном секторе технологии, на высшем уровне экспертов и инженеров. Впрочем, в течение последних десятилетий техническое познание начало господствовать над научным и оставлять ему подчиненную роль, и не только в науках о природе, но также в науках о человеке. Современная психология и социология являют собой примеры этого господства техники; этот процесс непрерывно усиливается, рискуя надолго подорвать сами основы этих наук.

Но имеются и еще более опасные явления. Мы вступили в эпоху, когда техника выходит за рамки социальных структур и, в особенности, типов обществ, где она возникла. Так, история техники свидетельствует о том, что никогда до настоящего времени техническое познание не порождало социальных рамок, что как раз наоборот, именно социальные рамки порождали новую технику. Можно сказать, что в той мере, в какой речь шла о частичных или глобальных социальных структурах, скрепленных творениями цивилизации, последние всегда доминировали над техническим познанием.

Сегодня, напротив, мы наблюдаем серьезный разрыв между социальными структурами и их нетехническими творениями цивилизации, с одной стороны, и техникой — с другой. Техническое познание, освобожденное от пут, не подвластно никакому господству и контролю. Техника на высшем уровне своего развития обнаруживает свою разрушительную силу, а технократы, эти колдуны-подмастерья, оказываются неспособными управлять силами, которые они высвобождают. Технику несет как будто потоком; между ней и обществами происходит нечто вроде скоростной гонки. Эта ситуация делает еще более важной социологию технического познания и заставляет пожалеть о том, что до настоящего времени в этой области не было принято ничего существенного.

V. *Политическое познание* следует отличать от «политической науки» (см. прим. 3) и «политической социологии» (см. прим. 4), которые изучают различными методами политические режимы, организацию и функционирование выборов, политические партии и т.д., короче говоря, все, что имеет отношение к государству, к «Политии», согласно термину Аристотеля (Платон говорил только о *республике*, а в одном из поздних диалогов — о *политике-человеке*) или, в англо-саксонской традиции обозначается как *Politics*. Политическое познание следует также отличать от «политических учений» (см. прим. 5) или от «политической философии», которые оправдывают современные или будущие режимы и с этой целью иногда ставят перед собой задачу систематизировать достигнутые политические знания.

Итак, политическое познание, как мы его в данном случае понимаем, оказывается довольно близким по значению к англо-саксонскому понятию *Policy* (в противовес *Politics*). Мы расширяем понятие «политическое познание» в двух следующих

направлениях; это: а) «стратегия социального действия», которая может касаться или нет государственного механизма; б) как спонтанное, так и целенаправленное познание, направляющее эту стратегию, которая повсеместно выходит за рамки действия, относящегося к политике государства (Policy).

Таким образом, мы сознательно противопоставляем термин «политическое познание» всякой науке, включая и ту, которая изучает все, что имеет прямую или косвенную связь с государством или его деятельностью. Речь идет для нас о спонтанном или рефлексивном познании, *внешнем по отношению к любой науке*, которое вырабатывается прямо в социальной борьбе с ее разнообразными ставками. Это *познание преимущественно участвующее*, в котором рядовые участники политических движений и руководители («политические деятели») гораздо более сильны, чем ученые, сведущие в «политической науке» и даже в «политической социологии». Это политическое познание отнюдь не предполагает существования государства или его политической деятельности. В действительности, оно проявляется уже в различных типах архаических обществ через борьбу родов и племен, через соперничество между кланами или через битвы, в которые ввергают те и другие «институты мужской зрелости». «Политическое познание» можно также наблюдать в патриархальных обществах (которые принадлежат к историческим обществам, не образуя «государств»); это познание выражается тогда в борьбе между старшими и младшими сыновьями (вовлекая в нее их матерей, окружающих и сторонников), или же интриги между «приемными» и «действительными» потомками и т.д.

Политическое познание обнаруживается прежде всего в действиях, интригах и борьбе, в которых группы, классы и партии сталкиваются между собой непосредственно. В настоящее время его удобнее изучать в резолюциях съездов профсоюзов и политических партий, чем в их программах или доктринах. Будучи сочетанием ценностных суждений и суждений о фактах, политическое познание не может быть, однако, сведено к какому-то символу веры, поскольку *оно есть прежде всего познание*, реалистическое и точное познание противоположных сил и среды, в которой разворачивается их действие. Политическое познание предполагает, следовательно, явное осознание трудностей, которые необходимо преодолеть, и четкое представление о поведении, которое необходимо в той или иной социальной конъюнктуре. В зависимости от обстоятельств оно в одних случаях будет инспирировать революционное, экстремистское поведение или, по крайней мере, отстаивание требований, в других — оно будет толкать к компромиссу, выжиданию («чтобы перевести дыхание»), согласно знаменитому выражению Ленина, который ввел в 1922 г. в СССР «НЭП») (см. прим. 6) и даже к отступлению.

В политическом познании существует один, так сказать, *секрет*, который оправдывает включение этого познания в когнитивную сферу. Он состоит в том, что речь идет о специфическом сочетании веры в идеал с познанием, необходимым для преодоления препятствий (см. прим. 7), для использования удобных случаев, как только они возникают. Техническое познание, применяемое для манипуляции людьми, толпами сторонников и иногда широкими массами, играет здесь роль, которую нельзя недооценивать: она становится в нашу эпоху все более и более важной... Таким образом политическое познание в определенном аспекте образует *сочетание различных видов познания*: познание Другого и «Мы», познание здравого смысла, тех-

ническое познание, наконец, прямое познание экономических и психологических аспектов социальной реальности через ее проявления в глобальных конъюнктурах. Однако, речь идет отнюдь не о простом сложении перечисленных видов знания, но об их *неразрывном слиянии* в особый вид познания *sui generis*, не сводимый ни к какому другому. Это может быть доказано констатацией того, что политическое познание в некоторых когнитивных системах, в особенности тех, которые соответствуют, с одной стороны, дирижистскому капитализму, с другой — централизаторскому коммунизму, оказывается способным господствовать над всеми другими видами знания и проникать в них.

Несомненно, не существует познания более идеологичного, чем политическое познание. Тем не менее, и это следует подчеркнуть, ни один вид познания не может полностью избежать влияния идеологии. В действительности она пронизывает в разной степени перцептивное познание внешнего мира, познание Другого и «Мы», здравого смысла, техническое и научное познание, и очень сильно — философское познание.

Мы охарактеризовали различные аспекты политического познания, что позволяет очертить его границы по отношению к другим видам знания.

Чтобы определить его с большей точностью, подчеркнем, что оно состоит главным образом в особом рода переплетении *спонтанных и обдуманых утверждений относительно настоящего, будущего и, иногда, прошлого положения социальной структуры или конъюнктуры. Вот почему оно обычно непроницаемо для аргументации противников (а иногда простых конкурентов), что, как мы уже отмечали, вполне совмещается с его способностью обнаруживать даже самые скрытые препятствия и добиваться точных суждений относительно реальных условий и конъюнктур, касающихся частичной или полной реализации определенных целей.* Так, политическое познание, как мы видели, может в зависимости от обстоятельств толкать к отказу от всякого компромисса, к «тотальному отделению» (см. прим. 8), к абсолютной непримиримости или тактическому отступлению и умеренности. Оно может, следовательно, быть одновременно революционным и реформистским. Оно проникнуто не только идеологией, но и утопиями и «мифами» в сорелевском смысле образов-сигналов, зовущих к действию. Наконец, внутри когнитивных систем оно имеет тенденцию к выдвиганию на первый план в обществах, в которых конфликты между группами обостряются, классовые антагонизмы усиливаются или же когда, как в нашу эпоху, многие глобальные структуры различных типов вступают в яростную борьбу, исход которой иногда представляется неясным.

VI. *Научное познание* — это вид познания, который содержит тенденцию к беспристрастности («не смеяться, не плакать» Спинозы), к открытости, к аккумуляции, организации, равновесию и связи между концептуальным и эмпирическим. Оно исходит из преимущественно конструируемых операциональных рамок, обособываемых уже достигнутыми результатами, которые часто требуют экспериментальной проверки. За исключением античного города-государства, где наука не была полностью отделена от философии, научное познание занимало господствующее место только в системах познания некоторых капиталистических структур, в частности, в системе конкурентного капитализма. С утверждением индустриальных обществ, оно начало конкурировать с философским познанием, которое затем было вынуждено уступить ему первенство.

Несмотря на принципиальные претензии быть «над схваткой», то есть на отрыв от социальных рамок, научное познание обладает лишь относительной независимостью, и большой ошибкой позитивизма было то, что он воспринял эти претензии буквально. Во всякое научное познание вторгаются социальные коэффициенты, тем более сильные, чем оно более развито.

Если начать с рассмотрения только точных и естественных наук, то влияние социальных коэффициентов на них можно увидеть в четырех аспектах.

А) Во-первых, они базируются на опыте и экспериментировании, которые всегда по *преимуществу являются человеческими* и испытывают влияние человеческого начала. Эпистемологи различных ориентаций, например, Леон Брюнсвик, автор книги «Человеческий опыт и физическая причинность» (1922) и Гастон Башляр, в достаточной мере продемонстрировали это в многочисленных работах.

В) Во-вторых, любая наука основана на связях между операциональной концептуальной системой координат, с одной стороны, и опыте и экспериментировании — с другой: концептуализации каждой науки, иногда отстающие, но чаще всего опережающие их действительное состояние, также заставляют вторгаться в научное познание социальный коэффициент. Отсюда всякая новая гипотеза, обоснованная или нет, носит отпечаток структуры общества, в котором она создана. Так, можно увидеть в дарвинизме воспроизведение в биологии принципа конкуренции, действовавшего при капитализме той эпохи, и с очевидностью обнаружить его идеологический характер. Хотя и не столь явно этот характер присущ квантовой физике. Современная микрофизика неосознанно обнаруживает границы атомной энергии, которую глобальные социальные структуры, находящиеся в состоянии борьбы в современных обществах, могут привести в действие.

С) В-третьих, точные науки больше, чем все остальные, нуждаются в лабораториях, исследовательских организациях широкого масштаба, как национальных, так и международных. В эпоху атомной энергии и электроники возникает необходимость в планировании научного исследования. До тех пор, пока общественное планирование не достигнет требуемого масштаба, с ним будут конкурировать частные организации научного исследования, связанные с промышленными трестами, национальными и международными.

Д) В-четвертых, связь между науками и социальной реальностью (либо последняя господствует над ними через «производительные силы», в которые они интегрированы, либо науки господствуют над социальной реальностью) устанавливается вследствие того, что научное познание требует особых средств распространения его результатов. Обучение, популяризация, издание «карманных» книг, радио и телевидение, — множество социологических проблем возникает по поводу путей распространения научного познания и управления ими. Эти проблемы были затронуты в работах Б. Барбера (B. Barber) “Science and the Social Order”, 1952, и в соавторстве с Хиршем (Hirsch) “The Sociology of Science”, 1962). С другой стороны, столь опытный британский физик, как Д. Бернал (J.D. Bernal) проанализировал все аспекты организации и распространения точных наук в современных обществах; четверть века назад он опубликовал очень интересную книгу, посвященную этим проблемам, озаглавленную “The Social Function of Science”, 1939.

Интерес, который представляет социология научного познания, еще более очевиден, если рассматривать науки о человеке и в особенности две из них: историю и

социологию, подлинный дуумвират, призванный быть венцом и главным ориентиром наук о человеке. Менее ангажированные и менее идеологичные, чем другие науки о человеке, которые осуществляют систематизацию с практическими целями, социология и история не могут, однако, быть освобождены от некоторых идеологических коэффициентов, которые одна только социология познания может выделить. Здесь социальные рамки вторгаются двойным образом: с одной стороны, в связи с растущей организацией исследования и созданием все более релятивистского операционального концептуального аппарата, а с другой стороны, в связи с самим изучаемым материалом. Действительно, общества, классы, группы, «Мы» находятся в диалектическом движении и проникнуты человеческими значениями. Нигде претензия научного познания оставаться «над схваткой» не является менее реализуемой, чем в этой области. Следовательно, если социология научного познания – это важная глава социологии познания, то социология истории и социологии важна вдвойне.

VII. *Философское познание.* В завершение этого анализа видов познания как социальных фактов, относящихся к сфере социологии, остается рассмотреть философское познание.

Будучи познанием второй степени, оно наслаивается на другие, уже осуществленные виды познания (так же, как и на непознавательные ментальные акты), и стремится интегрировать их частичные проявления в бесконечные тотальности с целью их обоснования. Этот вид познания в принципе является *элитарным, отделенным, эзотерическим, аристократическим*. Хотя он и зависит от диалектики между отвлеченным и вовлеченным познанием, *индивидуальное познание* в нем доминирует над *коллективным*; отсюда знаменитая *башня из слоновой кости философов*. Но здесь также складывается парадоксальная ситуация. Философия кристаллизуется в резко разделенных между собой доктринах, создаются школы, которые напоминают церкви и находятся в постоянном конфликте. Следует отметить также, что отношение между философским познанием и научным познанием является сложным, за исключением тех эпох, когда господство первого повсюду представлялось бесспорным.

Дело в том, что всякая наука нуждается в проясненном операциональном концептуальном аппарате, который должен непрерывно обновляться в самой функции исследования. С этой точки зрения, она не может обойтись без эпистемологии, а отсюда, – без философии. Речь идет здесь не только о гуманитарных науках. Именно в науках о природе, прежде всего, в точных науках: в математике, физике, биологии, в течение последней четверти века прошли наиболее оживленные дискуссии (между интуитивистами и сторонниками доминирующей роли концептуальных конструкций, детерминистами и индетерминистами, континуистами и дисконтинуистами, механистами и виталистами); это никоим образом не скомпрометировало «зрелость» этих наук.

Философия и наука в действительности и обладают *общим методологическим порогом*; это предварительное очищение, которое требует разрушения любой мумифицированной операциональной рамки, избавления от всякого застывшего понятия и даже от всякого остановленного опыта. Строгая проверка, очищающий огонь диалектического гиперэмпиризма, освобождает как философию, так и науку, от любой предвзятой концепции. В то же время эта диалектика устанавливает между философским и научным познанием отношения либо дополнительности, либо поля-

ризации, либо двусмысленности, либо взаимной причастности или взаимности перспективы. Все зависит от вопроса, стоящего в определенный момент движения науки в ее отношениях с философским познанием.

Именно это позволяет предвидеть, насколько более сложной, чем социология науки, будет социология философского познания. Это тем более верно, что кристаллизация в философские доктрины и школы, которые возрождаются иногда через сотни и даже тысячи лет в совершенно различных типах обществ, должна в данной связи стимулировать осторожность. Реинтерпретация этих доктрин, модификация их смысла, очевидно, могут быть рассмотрены в социологической перспективе. Признаком незрелости социологии познания являются те трудности, которые она испытывает перед лицом истории философии; и именно эта область привлекала в первую очередь марксистских авторов, в то время как социология других видов познания, гораздо более доступная, мало интересовала их до сих пор.

Анализ изменений иерархии видов познания в функции типов обществ приводит нас к следующему выводу: философское познание занимало ведущее место только в античном полисе, с одной стороны, и в обществах начала капитализма, где оно составляет основание эпохи просвещения, — с другой. В нашу эпоху оно вытесняется техническим познанием и политическим познанием.

Прежде чем перейти к рассмотрению взаимоотношений видов познания и социальных рамок, нам остается предпринять более абстрактный анализ и ответить на критику.

Во введении мы уже отмечали, что внутри видов познания можно обнаружить разнообразные акцентуации *форм познания*; последние также модифицируются в функции социальных рамок и могут при случае служить для характеристики как изменчивых систем видов познания, так и каждого из этих видов в его отношениях о социальными рамками.

Приводим пять дихотомий форм познания, которые различным образом акцентируются внутри каждого вида знания:

1. Мистическое познание и рациональное познание.
2. Эмпирическое познание и концептуальное познание.
3. Позитивное познание и спекулятивное познание.
4. Символическое познание и адекватное познание.
5. Коллективное познание и индивидуальное познание.

Поскольку любое познание представляет собой диалектическое сочетание опытов и суждений, а само это сочетание может приобретать различные особенности (подчиненные либо дополнительности, либо двусмысленности, либо поляризации, либо взаимной причастности), формы познания только в исключительных случаях выступают в относительной чистоте; речь идет скорее о тенденциях или оттенках.

Тем не менее, чтобы избежать возможных недоразумений, прокомментируем каждую из названных дихотомий.

1. *Мистическое познание и рациональное познание.* Мистический, то есть сверхъестественный, элемент может иметь своим источником как опыт, так и суждение, но чаще всего его влияние испытывает опыт. Только в архаических обществах («первобытное мышление», по выражению Леви-Брюля, обеспечивающее господство аффективного сверхъестественного фактора) мистическое познание, проистекающее из опыта и суждения, одерживает верх над всеми другими формами. Его мистичес-

кий характер уменьшается в той мере, в какой оно концептуализируется в теогоническо-космогонические мифы. Он уменьшается также в магическом познании: рациональный элемент, стремление к господству над природой и над Другими чаще всего противостоит мистике или же входит с ней в сочетание.

Во всех других обществах мистическая или рациональная формы познания зависят как от видов познания, так и от социальных рамок и конъюнктур. Не говоря уже о теологии, в которой мистика и рациональность сочетались всегда, философское познание и политическое познание могут сознательно тяготеть к той или иной тенденции. Напротив, способ соединения мистики и рациональности в перцептивном познании внешнего мира, познании Другого и «Мы», в техническом познании и познании здравого смысла заставляет испытывать только влияние общества, в котором они развиваются. Возможно, из различных видов познания следует выделять научное познание, бесспорно наиболее непроницаемое для всякой мистической тональности. По всей очевидности, это особый случай. Следует отметить некоторые исключения. Разве не была мистика чисел Пифагора одним из источников математики? Разве не была астрология колыбелью астрономии, а алхимия — колыбелью химии?

II. *Эмпирическое познание и концептуальное познание.* Эта новая дихотомия, которая, очевидно, никоим образом не перекрывает первую, гораздо более относительна, чем она. В действительности всякое познание предполагает опыт и концептуализацию, речь здесь может идти только о степенях. Видами познания, которые стремятся к наибольшей концептуализации, являются философское познание, научное познание и техническое познание на высоком уровне. Напротив, перцептивное познание внешнего мира скорее склоняется к эмпиризму. Познание Другого и «Мы», политическое познание и познание здравого смысла, наиболее изменчивые в данном отношении, являются также наиболее интересными для изучения с точки зрения социальных рамок.

Тем не менее, даже внутри научного познания борьба между концептуальным и эмпирическим эволюционирует не только в функции фаз, которые проходят различные науки, но также и в функции социальных рамок, в которые они помещены. Например, такая наука как социология выдвигает на первый план эмпирическую или концептуальную формы, которые в принципе должны уравниваться в функции борьбы, необходимой для ее развития, но также и в функции общества, в котором она существует, например, в Соединенных Штатах (преувеличение эмпирической формы), в СССР (преувеличение концептуальной формы) или во Франции (попытка уравновесить обе).

III. *Позитивное познание и спекулятивное познание.* Уподоблять позитивное познание эмпирическому, а спекулятивное — концептуальному, значило бы допустить серьезную ошибку. В действительности эмпирическое познание может при соответствующих условиях стать спекулятивным, а концептуальное также выступать в качестве позитивного. Только в позитивистской философии первой половины XIX в. возникла точка зрения, согласно которой научное познание, призванное заменить собой любой другой вид познания, может быть только позитивным. Однако, на самом деле, скорее перцептивное познание внешнего мира, с одной стороны, и познание здравого смысла — с другой, стремятся к позитивному, в смысле преданности традициям, стереотипам или практике.

Следует уточнить: если под позитивным мы понимаем отказ от риска выдвижения новых гипотез, от проторенных путей, тогда можно сказать, что осторожное или конформистское познание является позитивным. В этом случае спекулятивное познание, наоборот, нужно будет определить через его способность к новым инициативам, к поиску неизвестных путей. Если бросить взгляд на историю наук, то можно увидеть, что все великие научные открытия были сделаны благодаря рискованным спекуляциям, которые затем были подтверждены. Не только философское познание, но и техническое, с одной стороны, научное – с другой, способствуют скорее спекулятивной, чем позитивной форме познания.

Не так обстоит дело с другими видами познания (познанием Другого и «Мы», политическим познанием, перцептивным познанием внешнего мира и т.д.): их вариации в отношении позитивной или спекулятивной формы требуют специального исследования.

IV. *Символическое познание и более или менее адекватное познание.* Эта новая дихотомия форм познания особенно относительна, так как мы несомненно не можем прийти к абсолютно адекватному познанию. Что касается этой формы познания, то речь может идти только о степенях. Однако не следует смешивать знаки и символы и непомерно расширять сферу символического. Знаки являются выражениями, которые заменяют значение и выполняют функцию посредников между этим значением и индивидуальными или коллективными субъектами, призванными познавать его. Например, стрелка, указывающая направление к тому или иному месту, есть знак, значение которого следующее: вот наиболее короткий путь для достижения желаемого места. Возникает, однако, вопрос: существует ли специфический вид знания или даже система видов знания, которые могли бы ограничиваться знаками? Это представляется нам весьма сомнительным, если только не смешивать знаки и символы.

Символы (как мы определили их в наших прежних работах) (см. прим. 9) *представляют собой знаки, то есть заменители, предполагающие отсутствие чего-либо, которые выражают его лишь частично и служат посредниками между реальными и нереальными содержаниями, выходящими за рамки как коллективного, так и индивидуального сознания, которые их формулируют и к которым они обращаются. Это посредничество состоит в частности в том, что толкает к взаимному участию агентов в названных содержаниях и последних – в агентах.*

Одной из основных особенностей символов является то, они обнаруживают, скрывая, и скрывают, обнаруживая, одновременно толкают к участию и препятствуют ему, или же, тормозя его, в то же время способствуют ему.

Вся социальная жизнь наполнена символами различных видов (см. прим. 9), но поскольку нас интересует здесь знание как социальной факт, мы сделаем основной акцент на символах *с интеллектуальной доминантой*; это те символы, которые состоят в представлениях, измерениях, различных понятиях времен и пространств, логических категориях, математических величинах, которые связаны с идеей бесконечности (исчисление бесконечно малых), символах, служащих основанием концептуального аппарата различных наук.

Мы говорим главным образом о символическом познании, когда символы имеют тенденцию стимулировать схематические понятия или идеи содержаний, которые они призваны выражать. Наоборот, можно назвать более или менее адекватным

познание, содержания которого явно доминируют над символами. Так, политическое познание, познание Другого и «Мы», познание здравого смысла имеют отчетливую тенденцию к символической форме, и тем более акцентированную, чем с большей силой эмоциональная окраска символов вторгается в эти виды познания, существенно ограничивая их интеллектуальный оттенок. Техническое познание стремится скорее к адекватному познанию, исключая архаические общества, где техники связаны с магией. Наконец, перцептивное познание внешнего мира, научное познание и философское познание колеблются, в соответствии с их ориентациями, социальными конъюнктурами и типами общества, между двумя полюсами дихотомии, которую мы анализируем. Это приводит нас к следующему общему соображению: акцентуация форм познания всегда должна изучаться через виды познания и их системы. Таким образом, мы должны в первую очередь исследовать функциональные связи между социальными рамками и видами познания.

Благодаря этому мы заранее предупреждены против всякой попытки установления чересчур прямых функциональных корреляций между типами социальных ансамблей и формами познания. Если, например, мы анализируем столь насыщенные социальные рамки, как социальные классы – крестьянство, буржуазию, пролетариат или технократов, то мы констатируем, что каждый из них представляет собой очаг многочисленных флуктуаций в отношении акцентуации форм познания; мистическое или рациональное познание, эмпирическое или концептуальное, позитивное или спекулятивное, символическое или относительно адекватное, наконец, коллективное или индивидуальное, проявляются или проявлялись в них в соответствии с разнообразными глобальными структурами и конъюнктурами и в соответствии с видами познания, которые в них превалируют или превалировали.

Можно, следовательно, установить общее правило, в равной степени приложимое ко всем масштабам социальных рамок, в связи с которыми мы будем рассматривать знание (микросоциальные, групповые рамки, социальные классы, наконец, глобальные общества): *формы познания служат лишь для характеристики флуктуаций познания и когнитивных систем*; они образуют точки отсчета, необходимые для изучения функциональных корреляций между знанием и социальной реальностью, но их прямое столкновение с социальными рамками чаще всего ведет к ошибочным выводам.

Теперь мы можем уточнить содержание основных разделов этой книги.

В ее *первой части* мы исследуем виды познания в функции проявлений социальности; иными словами, мы попытаемся обосновать *микросоциологию познания*.

Во второй части мы сопоставим виды познания и, в случае необходимости, когнитивные системы, с одной стороны, с *некоторыми частными группировками*, которые представляются нам более, чем другие, способными служить рамками знания, с другой. Мы ограничим наш выбор несколькими примерами групп, выделяемых по *способу вхождения и по их функциям*.

В *третьей части* мы изучим виды и системы познания в корреляции с социальными классами.

Наконец, в *четвертой части*, последней и, по нашему мнению наиболее важной (вот почему мы отводим ей самое значительное место), мы ставим своей целью сопоставить когнитивные системы с типами глобальных обществ. Эта часть представляется нам наиболее богатой своими следствиями и наиболее значительной по-

тому, что она позволит нам проверить успех или неудачу предыдущих глав. Действительно, сопоставление знания с проявлениями социальности, с некоторыми частными группировками, наконец, с социальными классами, имеет смысл только в том, случае, если оно облегчает исследование связей между системами знания и глобальными социальными структурами.

Пер. с франц. А.Б. Гофмана

Примечания

1. Другие виды и формы познания могут, разумеется, возникнуть в будущем. С этой точки зрения, наши различия не содержат ничего исключительного, учитывая, что они признают в принципе возможность видов и форм познания, которые следует обнаруживать каждый раз, по мере того как они появляются в какой-либо социальной рамке. Речь идет здесь только об отправных пунктах для действительно релятивистской и реалистической социологии познания, то есть такой, которая соответствует требованиям всякого социологического исследования, если оно хочет быть подлинно научным.

2. Проблема видов познания, изолированных друг от друга, может возникнуть только в специфических конъюнктурах, таких как деструктуризации глобальных структур, испытывающих сильный удар в результате столкновения с гетерогенными структурами, например, в случае столкновения колонизаторов с колониальными народами (например, господство над индейцами французов, британцев и голландцев в Северной Америке, испанцев и португальцев в Южной Америке). Иногда определенная тенденция к изоляции видов познания возникает также в функции интенсивности «Мы», выступающего в качестве эзотерических общин и специфических группировок, проявляющих склонность к превращению в закрытые коллективные единицы. См. ниже, часть I, гл. IV; часть II, гл. II.

3. Преподаваемой во Франции в «Школе политических наук», в «Национальной школе администрации» и отчасти также на «факультете права и экономических наук» в курсе, дополняющем изучение «конституционного права».

4. Преподаваемой на «факультете филологии и наук о человеке» в качестве факультативного предмета, входящего в «Диплом по общей социологии», образующий один из дипломов «Лиценциата по социологии».

5. Преподаваемых преимущественно на «факультете права и экономических наук» с той же целью, что и «политическая наука».

6. «Новая экономическая политика», которая допустила на некоторое время «свободный рынок» для некоторых сельскохозяйственных продуктов.

7. Иначе говоря, этому познанию удается воздвигать одни препятствия против других, то есть «манипулировать» ими, чтобы их победить, разрушая их.

8. Термин Прудона в «Политической способности трудящихся классов» (1865). Прудон писал: «Отделение, за которое я выступаю, есть само условие жизни. Отличаться, определять себя, значит существовать; подобно тому, как смешиваться и поглощаться значит терять себя». См. комментарий в моей книге «Proudhon». P., 1965. P. 61-62, 111.

9. См.: La vocation actuelle de la sociologie. Vol. I. 3-me ed. P., 1963. P. 89-98. Déterminismes sociaux et liberté humaine. 2-me éd. P., 1963. P. 143-151, 93-94.